

A black and white close-up portrait of Charles Bukowski. He has a weathered face with deep wrinkles, a white beard, and is looking slightly to the side with a faint smile. The background is dark.

ЧАРЛЬЗ БУКОВСКИ

18+ СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕЩЕ МНЕ СКАЗАЛИ,
ЧТО ЕСЛИ Я ВЫПЬЮ
ХОТЬ ЕЩЕ РАЗ,
ТО НЕПРЕМЕННО УМРУ.
ОНИ СОЛГАЛИ МНЕ
ДВАЖДЫ.

О ПЬЯНСТВЕ

Чарльз Буковски

О пьянстве

Серия «Бунтарь и романтик»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56604166

О пьянстве / Чарльз Буковски ; [перевод с английского М. Немцова].:

Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-106654-3

Аннотация

Перед вами собрание работ Буковски на тему, которая вдохновляла и губила его всю жизнь: алкоголь. Сам себя называвший «старым пьянчугой», Буковски относился к выпивке как к топливу и даже музе. Бутылка приводила его и к самым темным мыслям, и к самым светлым и духоподъемным. Алкоголь стал методом Буковски, его способом оставаться в одиночестве, быть с людьми, быть поэтом, быть любовником и другом – хоть часто и дорогой ценой.

Содержание

[Джону и Луиз Уэббам][3]	7
[Джону Уильяму Коррингтону][5]	11
[Джону Уильяму Коррингтону][11]	16
[Джону и Луиз Уэббам][12]	17
Из «Признаний человека, безумного настолько, чтобы жить со зверьем»[15]	20
[Дугласу Блазеку][16]	27
[Уильяму Уонтлингу][19]	29
Заметки старого козла[21]	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Чарльз Буковски

О пьянстве

Charles Bukowski
ON DRINKING

Copyright © 2019 by Linda Lee Bukowski

Published by arrangement with Ecco, an imprint of
HarperCollins Publishers

Фотография на переплете: © Ulf Andersen /
Gettyimages.ru

Перевод с английского *Максима Немцова*

© Немцов М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2020

*мураши ползают мне по пьяным рукам*¹

О мураши ползают мне по пьяным рукам
а Ван Гог у дали сесть на кукурузном поле
и отнять Жизнь у мира

дробовиком,

мураши ползают мне по пьяным рукам

а Рембо сплывили

возить оружие и заглядывать под валуны

нет ли там золота,

О мураши ползают мне по пьяным рукам,

Паунда засунули в дурдом

а Крейна вынудили прыгнуть в море

в одной пижаме,

мураши, мураши, ползают мне по пьяным рукам

пока школяры наши вопят по Уилли Мейсу²

а не по Баху,

мураши ползают мне по пьяным рукам

через выпивку тянусь я

к плоскодонкам, портомойням, к подсолнухам

¹ «Литературное артиздатство 2.2», весна 1961 г.; стихотворение опубликовано в сборнике «Дни скачут прочь, как дикие кони по горам» (The Days Run Away Like Wild Horses Over the Hills, 1969). – *Примечание составителя.* «Literary Art Press» – литературный журнал, издававшийся в начале 1960-х годов в Колледже Восточного Вашингтона под редакцией будущего писателя-натуралиста и юмориста Патрика Фрэнсиса Макмануса (1933–2018). – *Примечание переводчика.* Имена собственные в большинстве случаев приведены согласно современной произносительной норме; в переводе сохранена авторская пунктуация.

² Уилли Хауард Мейс-мл. (р. 1931) – американский профессиональный бейсболист, центрфилдер. – *Примеч. перев.*

и пишмашинка падает как инфаркт
со стола
или мертвый воскресный бык,
а мураши вползают мне в глотку
и в рот мне,
и я смываю их вином
и подымаю жалюзи
а они на сетке
и на улицах
карабкаются по колокольням
и в автопокрышки
ища чего бы еще
съесть.

[Джону и Луиз Уэббам]³

25 марта 1961 г

[...] Меня беспокоит, когда я читаю про старые парижские группы, или кого-то, кто знал кого-то в старину. Они, значит, тоже этим занимались, стародавние и нынешние имена. Думаю, Хемингуэй сейчас об этом книгу пишет. Но, несмотря на все, мне в это слабо верится. Терпеть не могу писателей или редакторов, или кого угодно, желающих говорить об Искусстве. 3 года я жил в трущобной ночлежке – еще до кровотоечения – и каждый вечер напивался с бывшим зэком, горничной, индейцем, девкой, которая будто носила парик, но не носила, и 3 или 4 бродягами. Никто из них Шостаковича от Шелли Уинтерз⁴ отличить не мог, и нам было плевать. Главное отправлять гонцов за бухлом, когда у нас пересыхало. Начинали мы с нижнего конца очереди, где у нас худший бегун, и если ему не удавалось – а надо понимать, почти

³ Отрывок из письма Джону и Луиз Уэббам от 25 марта 1961 г.; письмо опубликовано в сборнике «On Writing», 2015. – *Примеч. сост.* Рус. перев. М. Немцова – «Письма о письме». Джон Эдгар Уэбб (1905–1971) – американский писатель, редактор и издатель, совместно с женой Джипси Лу Уэбб (Луиз Мадайо, р. 1917) в 1960-х гг. издавал независимый литературный журнал «Изгой» (The Outsider) и другие книги в своем издательстве «Луджон Пресс» (1960–1970). – *Примеч. перев.*

⁴ Шелли Уинтерз (Шриффт, 1920–2006) – американская актриса кино, театра и телевидения. – *Примеч. перев.*

все время денег у нас было мало или вовсе нисколько, — мы немного заглублялись до лучших времен. Наверно, это хвастовство, но лучшим гончим был я. И когда последний, шатаясь, вваливался в дверь, бледный и пристыженный, с инвективою на устах подымался Буковски, облачался в свою драную накидку и с гневом и уверенностью шагал в ночь, в «Винную лавку Дика», и я его разводил и принуждал, и отжимал его насухо, пока у него голова кругом не шла; я входил с великим гневом, не побираясь, и просил того, что мне требовалось. Дик никогда не знал, есть у меня деньги или нет. Иногда я его обводил вокруг пальца — деньги у меня были. Но почти все остальное время их не было. Так или иначе, он выставлял передо мной бутылки, паковал их, и я их забирал с гневным: «Запиши на мой счет!»

И тогда он начинал старую пляску — но господи бож мой, ты мне и так уже стока и стока должен, а не платил уже месяца и...

И тут наступало ДЕЯНЬЕ ИСКУССТВА. Бутылки у меня в руке. Ничего б не стоило просто взять и выйти. Но я хлопал их снова перед ним, выдирал их из пакета и совал ему, говоря: «На, ты вот этого хочешь! А я за своими чертовыми покупками в другое место пойду!»

«Нет-нет, — говорил он, — забирай. Ладно уж».

И тогда он доставал жалкий свой клоч бумаги и добавлял к общей сумме.

«Дай-ка погляжу», — требовал я.

И после этого говорил: «Да ради ж бога! Я же тебе не столько должен! А вот этот пункт тут откуда?»

И все это ради того, чтобы он поверил, будто я ему когда-нибудь заплачу. И после этого старался меня развести в ответ: «Ты человек чести. Ты не такой, как другие. Тебе я доверяю».

Наконец он захворал и продал свою лавку, а когда возник следующий хозяин, я открыл себе новый кредит...

И что произошло? В восемь часов одним субботним утром – В ВОСЕМЬ УТРА!!! чрт бы его драл – в двери стучат – и я открываю, а там стоит редактор. «Э, я такой-то и такой-то, редактор того и сего, мы получили ваш рассказ, и я счел его крайне необычным; мы намерены дать его в весенний номер». «Ну, заходите, – вынужден был сказать я, – только о бутылки не споткнитесь». И вот сидел я, пока он мне рассказывал про свою жену, которая о нем очень высокого мнения, и о его рассказе, что когда-то напечатали в «Атлантическом ежемесячнике», и вы сами знаете, как они говорят и не затыкаются. Наконец он убрался, и через месяц или около того зазвонил телефон в коридоре, и там кому-то понадобился Буковски, и на сей раз женский голос произнес: «М-р Буковски, мы считаем, что у вас очень необычный рассказ, и группа его обсудила тут недавно вечером, но мы считаем, что в нем есть один недостаток, и мы подумали, может, вы захотите этот недостаток устранить. ПОЧЕМУ ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ВООБЩЕ НАЧАЛ ПИТЬ?»

Я сказал: «Ну его вообще, возвращайте мне рассказ», – и повесил трубку.

Когда я вернулся, индеец посмотрел на меня из-за стакана и спросил: «Кто это был?»

Я сказал: «Никто», – и точнее ответа я бы дать не мог.

[Джону Уильяму Коррингтону]⁵

14 января 1963 г

[...] Родился в Андернахе, Германия, 16 августа 1920-го. Мать немка, отец в Американской Армии (родился в Пасадине, но немецкого происхождения) Оккупации. Есть кое-какие свидетельства того, что я родился – или, по крайней мере, меня зачали – вне брака, но я не уверен. Американец в 2 года. Около года в Вашингтоне, О. К.⁶, но потом дальше, в Лос-Анджелес. Штука с индейским костюмом правда⁷. Все гротески правда. С безмозглой жестокостью моего отца, незаинтересованностью матери и милой ненавистью моих товарищей по играм: «Хайни! Хайни! Хайни!»⁸ – бывало довольно жарко, по всем статьям. А еще жарче стало, когда я перевалил за свои 13 лет и весь покрылся не угрями, а такими ГРОМАДНЫМИ чирьями, в глазах у меня, на шее, на

⁵ Отрывок из письма Уильяму Коррингтону от 14 января 1963 г.; письмо опубликовано в сборнике «Вопли с балкона» (Screams from the Balcony, 1993). – *Примеч. сост.* Джон Уильям Коррингтон (1932–1988) – американский литературный критик, юрист, теле- и киносценарист. – *Примеч. перев.*

⁶ Округ Колумбия. – *Примеч. перев.*

⁷ См. главу 20 романа «Ветчина на ржаном» (Ham on Rye, 1982; рус. перев. Ю. Медведько – «Хлеб с ветчиной»). – *Примеч. перев.*

⁸ Настоящее имя Генри Чарльза Буковски – Хайнрих Карл, heinie также – жопа. – *Примеч. перев.*

спине, на лице, и ездил, бывало, на трамвае в больницу, в благотворительную палату, старик тогда без работы сидел, и меня сверлили электрической иглой, а это нечто вроде сверла по дереву, какое в людей втыкают. Год в школу не ходил. На пару лет пошел в Городской колледж Лос-Анджелеса, на журналистику. Плата за обучение была два доллара, но старик сказал, что ему посылать меня туда больше не по карману. Я пошел работать на товарную станцию, оттирал бок поездов «ОАКАЙТОМ»⁹. По ночам пил и играл. У меня была комнатуха над баром на Темпл-стрит в филиппинском районе, и ночью я играл с рабочими авиазавода, сутенерами и проч. Жилье мое стало известным местом, и каждую ночь в нем было битком. Выспаться – сущий ад. Однажды ночью мне крупно подфартило. Для меня крупно. 2 или 3 сотни. Я знал, что они вернутся. Ввязался в драку, разбил зеркало и пару стульев, но деньги сохранил и рано утром поймал автобус на Нью-Орлинз. Какая-то молодая деваха там меня охмуряла, и я дал ей выйти в Форте-Уорте, но доехал лишь до Далласа и развернулся обратно. Профукал там сколько-то времени и добрался до Н.-О. Поселился через дорогу от «КАФЕ СХОДНИ» и начал писать. Рассказы. Деньги пропил, устроился работать в дом комиксов, а вскоре двинулся дальше. Майами-Бич. Атланта. Нью-Йорк.

⁹ «Oakite» – линейка чистящих средств для металла, производится транснациональной (первоначально – немецкой) корпорацией «Chemetall» (с 1889). – *Примеч. перев.*

Сент-Луис. Филли. Фриско. Снова Л.-А. Круг за кругом. Пара ночей в Восточном Канзас-Сити. Чикаго. Я перестал писать. Сосредоточился на пьянстве. Самые длинные перестои были у меня в Филли. Я вставал рано утром и шел в бар, а ночью тот бар я закрывал. Как мне удалось выкарабкаться, сам не знаю. Потом наконец обратно в Л.-А. и к дикому блядству семилетнего пьянства. Оказался в той же благотворительной больнице. На сей раз не с чирьями, а потому, что мне наконец желудок разорвало от бухла и мук. 8 пинт крови и 7 пинт глюкозы переливали без остановки. Шлюха моя пришла меня навестить, пьяная. С нею мой старик. Старик мне сильно дерзил, да и шлюха мерзко себя вела, и старику я сказал: «Еще слово от тебя, и я выдерну эту иголку из руки, слезу с этого смертного одра и надеру тебе жопу!» Они ушли. Я оттуда выписался, белый и старый, влюбленный в солнечный свет, мне сказали, чтоб никогда больше не пил, а то смерть мне точно. Среди перемен в себе я обнаружил, что моя память, которая некогда была хороша, теперь испортилась. Какое-то повреждение мозга, несомненно, они бросили меня валяться в той благотворительной палате на пару дней, когда мои документы потерялись, а бумаги эти требовали немедленного переливания, а у меня закончилась кровь, пока я слушал, как мне в мозг молотки стучат. В общем, я сел на почтовый фургон и стал ездить на нем, письма доставлять и слегка пил, экспериментально, а потом однажды вечером сел и начал писать стихи. Ну и чертовня же.

Куда это все слать. Ну, я рискнул. Был такой журнал, «Арлекин»¹⁰ назывался, я был ебаным клоуном, а он выходил в каком-то городишке в Техасе, и, может, не распознают дрянь — на глас-то, вот и... Какая-то девка редактировала, и бедняжка впала в неистовство. Особое издание. Последовали письма. Письма стали теплее. Письма стали жаркими. Не успел я опомниться, как девка-редактор очутилась в Лос-Анджелесе. Не успел я опомниться, и мы уже в Лас-Вегасе женимся. Не успел я опомниться, и уже гуляю по тexasскому городишке, местные вахлаки на меня зыркают. У девки водились деньжата. Я не знал, что у нее есть деньги. Или у родни ее деньги были. Мы вернулись в Л.-А., и я снова взялся за работу, где-то.

Брак не задался. У нее ушло 3 года на то, чтобы выяснить, что я не тот, кем, по ее мнению, должен быть. Я был антиобществен, неотесан, пьянчуга, не ходил в церковь, ставил на лошадок, матерился, когда пьянел, мне не нравилось нигде бывать, я небрежно брился, мне плевать было на ее живопись или ее родственников, иногда валялся в постели по 2 или 3 дня подряд, и т. д., и т. п.

Очень мало чего еще. Я вернулся к своей шлюхе, которая некогда была такой жестокой и прекрасной женщиной, но уже не была прекрасной (как таковой), но стала, по волшебству, теплой и настоящей личностью, но не могла бросить

¹⁰ «Harlequin» — поэтический журнал, издававшийся в Техасе Барбарой Фрай, на которой Буковски был женат в 1957–1958 г. — *Примеч. перев.*

пить, пила больше меня и умерла.

Теперь не много чего осталось. Пью я главным образом один и общества не поощряю. Люди, похоже, разговаривают о том, что не считается. Они чересчур рьяны, или чересчур злобны, или чересчур очевидны.

[Джону Уильяму Коррингтону]¹¹

Октябрь 1963 г

[...] Теперь играет что-то из Брамса, фортепиано. Мне только что позвонила женщина, какая-то бразильянка, живет над Сансет-Стрипом. Может, надо, чтоб она для меня стриптиз устроила. Но мне перепадает довольно, и, хоть и прилагаются некоторые хлопоты, я ко всему этому ощущаю нормальность. Питие свое немного сбавил, в основном – пиво. Сегодня в газете прочел, тогда как средний алкоголик доживает до 51 (что оставляет мне 8 лет), ср. непьющий доживает до 70. Думаю, лучшие годы – между 30 и 40: ты уж точно выбрался из детства, знаешь больше, чего не хочешь, и обычно у тебя здоровье и сила в придачу к этому. Конечно, со всеми нами что-то не так, и если обольешь это спиртным, избавишься от него быстрее.

¹¹ Отрывок из письма Уильяму Коррингтону за октябрь 1963 г.; письмо ранее не публиковалось. – *Примеч. сост.*

[Джону и Луиз Уэббам]¹²

1 марта 1964 г

[...] Я немного напиваюсь, хорошая стена, за которой можно спрятаться, флаг труса. Помню, однажды в каком-то городе, в какой-то дешевой комнатке, наверное, в Сент-Луисе, да, в гостинице на углу, и бензиновые выхлопы уличного движения, едущего на работу, бывало, подымались и душили мои больные ленивые легкие, и я отправлял ее за пивом или вином, а она пыталась призвать меня к порядку, старалась опекать меня по-матерински, или вешать меня, или расчислять, как все женщины попробуют делать, и поделилась со мной этим устаревшим: «Пить – всего-навсего эскапизм». Еще б, сказал ей я, и хвала старому Богу с красными яйцами, что он так, и когда я тебя ебу, это тоже эскапизм, можешь считать, что это не так, для тебя, возможно, это жизнь, так, а теперь давай выпьем.

Интересно, где она сейчас? Большая толстая черная горничная с жирнейшими величайшими прелестнейшими ногами во вселенной и соображениями про «эскапизм».

¹² Отрывок из письма Джону и Луиз Уэббам от 1 марта 1963 г.; письмо опубликовано в сборнике «Вопли...». – *Примеч. сост.*

*пивная бутылка*¹³

очень чудесное только что случилось:
моя пивная бутылка сделала обратное сальто
и приземлилась донышком на пол,
и я поставил ее на стол чтоб пена села,
а вот снимкам сегодня не так повезло
и на коже моего левого ботинка есть
маленький разрез но все это очень просто:
нам не обрести слишком много: есть законы
о каких мы ничего не знаем, всякие подначки
толкают нас гореть или замерзать; что
сует дрозда в пасть кошке
не нам судить, или почему некоторых
сажают в тюрьмы как ручных белочек
а другие меж тем утыкаются в громадные груди
нескончаемыми ночами – таковы
урок и ужас, и нас не учат
почему. все-таки повезло что бутылка
приземлилась правильным концом и хотя
у меня есть одна с вином и одна с виски,
это ей-же-ей, отчего-то, добрая ночь,
и быть может завтра нос мой станет длинней:
новые ботинки, меньше дождя, больше стихов.

¹³ «Полынное обозрение 14», август 1964 г.; стихотворение опубликовано в сборнике «И в воде горит, и в огне тонет» (Burning in Water, Drowning in Flame, 1974). – *Примеч. сост.* «Wormwood Review» (1959–1999) – литературный журнал, его издавал и редактировал Марвин Мэлоун (1930–1997). – *Примеч. перев.*

*сварено и разлито в...*¹⁴

всё

у меня в руке с пивной банкой

печально,

грязь даже

печальна

у меня под ногтями,

и эта рука

как рука

машины

и все ж

не она —

она изгибается полностью

(усилие, в котором волшебство)

вокруг

пивной банки

движеньем таким же как

корни

вышибающие гладиолус

наверх в солнце воздуха,

а пиво

течет в меня.

¹⁴ Ок. 1964 г.; стихотворение опубликовано в сборнике «На улице Ужаса и в проезде Страданий» (At Terror Street and Agony Way, 1968). — *Примеч. сост.*

Из «Признаний человека, безумного настолько, чтобы жить со зверьем»¹⁵

4

Я сошелся еще с одной. Мы жили на 2-м этаже во дворе, и я ходил на работу. Это-то меня чуть не прикончило – пить всю ночь и пахать весь день. Я вышвыривал бутылку в одно и то же окно. Потом, бывало, носил это окно к стекольщику на углу, и там его ремонтировали, вставляли новое стекло. Я проделывал такое раз в неделю. Человек посматривал на меня очень странно, но деньги мои всегда брал – они ему странными не казались. Я пил очень крепко и постоянно 15 лет подряд, а однажды утром проснулся и нате: изо рта и задницы у меня хлестала кровь. Черные какашки. Кровь, кровь, водопады крови. Кровь воняет хуже говна. Моя баба вызвала врача, и за мной приехала неотложка. Санитары сказали, что я слишком большой, и вниз по лестнице они меня не понесут, попросили спуститься самому.

¹⁵ Начало 1965 г.; рассказ опубликован в сборнике «Дно без крыши» (South of No North, 1973). – *Примеч. сост.* Рус. перев. К. Медведева и В. Когана – «Юг без признаков севера». – *Примеч. перев.*

— Ладно, чуваки, — ответил я. — Рад вам удружить: не хочу, чтобы вы перетруждались. — Снаружи я влез на каталку; передо мной распахнули бортик, и я вскарабкался на нее, как поникий цветок. Тот еще цветок. Соседи повысовывали из окон головы, повылазили на ступеньки, когда я проезжал мимо. Почти всегда они наблюдали меня под мухой.

– Смотри, Мэйбл, – сказал один, – вот этот ужасный человек!

– Господи спаси и помилуй его душу! – был ответ. Старая добрая Мэйбл. Я выпустил полный рот краснотищи через бортик каталки, и кто-то охнул: OOOOOxxxxxxxoooox.

Несмотря даже на то, что я работал, ни гроша за душой у меня не было, поэтому – назад в благотворительную палату. Неотложка набилась под завязку. Внутри у них стояли какие-то полки, и повсюду все лежали.

– Полный сбор, – сказал водитель, – поехали. – Скверная поездка вышла. Нас раскачивало и кренило. Я из последних сил удерживал в себе кровь, поскольку не хотел никого за-
вонять и испачкать.

– Ох, – слышал я голос какой-то негритянки, – не верится, что со мной такое случилось, просто не верится, ох господи помоги!

Господь в таких местах становится довольно популярен.

Меня определили в темный подвал, кто-то дал мне что-то в стакане – и все дела. Время от времени я блевал кровью в подкладное судно. Нас внизу было четверо или пятеро. Один

мужик был пьян – и безумен, – но казался посильнее прочих. Он слез с койки и стал бродить, спотыкаясь о других, пере-
ворачивая мебель:

– Че че такое, я ваву на ваботу, я ваботаю, я на ваботу ваву, я ваботаю. – Я схватил кувшин для воды, чтоб заехать ему промеж рогов. Но ко мне он так и не подошел. Наконец свалился в угол и отъехал. Я провел в подвале всю ночь до середины следующего дня. Потом меня перевели наверх. Палата была переполнена. Меня поместили в самый темный угол.

– У-у, он в этом темном углу помрет, – сказала одна медсестра.

– Ага, – кивнула другая.

Однажды ночью я поднялся, а до сортира дойти не смог. Заблевал кровью весь пол. Упал и не смог встать – слишком ослаб. Стал звать сестру, но двери палаты были обиты жестью, к тому же – от трех до шести дюймов толщиной, и меня не слышали. Сестра заходила примерно каждые два часа проверить покойников. По ночам вывозили много жмуриков. Спать я не мог и, бывало, наблюдал за ними. Стянут парня с кровати, заволокут на каталку и простыню на голову. Каталки эти хорошо смазывали. Я снова заверещал:

– Сестра! – сам не знаю почему.

– Заткнись! – сказал мне один старик. – Мы спать хотим. – Я отключился.

Когда пришел в себя, горел весь свет. Две медсестры пытались меня приподнять.

– Я же велела вам не вставать с постели, – сказала одна. Ответить я не смог. У меня в голове били барабаны. Меня как будто выпотрошили. Казалось, слышать я могу все, а видеть – только сполохи света, похоже. Но никакой паники, никакого страха; одно лишь чувство ожидания, ожидания чего-то и безразличия.

– Вы слишком большой, – сказала одна сестра, – садитесь на стул.

Меня усадили на стул и потащили по полу. Я же чувствовал, что во мне весу не больше фунтов шести.

Потом все вокруг меня собрались: люди. Помню врача в зеленом халате, операционном. Казалось, он сердится. Он говорил старшей сестре:

– Почему этому человеку не сделали переливания? У него осталось... кубиков.

– Его бумаги прошли по низу, когда я была наверху, и их подкололи, пока я не видела. А кроме этого, доктор, у него нет кредита на кровь.

– Доставьте сюда крови, СЕЙЧАС ЖЕ!

«Кто этот парень такой, к чертям собачьим, – думал я, – очень странно. Очень странно для врача».

Начали переливание – девять пинт крови и восемь глюкозы.

Сестра попробовала накормить меня ростбифом с картошкой, горошком и морковкой – моя первая еда. Она поставила передо мной поднос.

– Черт, да я не могу этого есть, – сказал я ей, – я же от этого умру!

– Ешьте, – ответила она, – это у вас в списке, у вас такая диета.

– Принесите мне молока, – сказал я.

– Ешьте это, – ответила она и ушла.

Я не притронулся.

Через пять минут она влетела в палату.

– Не ЕШЬТЕ ЭТОГО! – заорала она. – Вам ЭТО НЕЛЬЗЯ!! В списке ошиблись.

Она унесла поднос и принесла стакан молока.

Как только первая бутылка крови в меня вылилась, меня посадили на каталку и повезли вниз на рентген. Врач велел мне встать. Я все время заваливался назад.

– ДА ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ, – заорал он, – Я ИЗ-ЗА ВАС НОВУЮ ПЛЕНКУ ИСПОРТИЛ! СТОЙТЕ НА МЕСТЕ И НЕ ПАДАЙТЕ!

Я попробовал, но не устоял. Свалился на спину.

– Ох черт, – прошипел он медсестре, – увезите его.

В Пасхальное Воскресенье оркестр Армии Спасения играл у нас под самым окном с 5 часов утра. Они играли кошмарную религиозную музыку, играли плохо и громко, и она меня затапливала, бежала сквозь меня, чуть меня вообще не прикончила. В то утро я почувствовал себя от смерти так близко, как никогда не чувствовал. Всего в дюйме от нее, в волоске. Наконец, они перешли на другую часть территории,

и я начал выкарабкиваться к жизни. Я бы сказал, что в то утро они, наверное, убили своей музыкой полдюжины пленников.

Потом появился мой отец с моей блядью. Она была пьяна, и я знал, что он дал ей денег на выпивку и намеренно привел ко мне пьяной, чтобы мне стало хуже. Мы со стариком были завзятыми врагами – во все, во что верил я, не верил он, и наоборот. Она качалась над моей кроватью, красномордая и пьяная.

– Зачем ты привел ее в таком виде? – спросил я. – Подождал бы еще денек.

– Я тебе говорил, что она ни к черту не годится! Я всегда тебе это говорил!

– Ты ее напоил, а потом сюда привел. Зачем ты меня без ножа режешь?

– Я говорил тебе, что она никуда не годится, говорил тебе, *говорил!*

– Сукин ты сын, еще одно слово, и я вытащу из руки вот эту иголку, встану и все говно из тебя вышибу!

Он взял ее за руку, и они ушли.

Наверное, им позвонили, что я скоро умру. Кровотечения у меня продолжались. В ту ночь пришел священник.

– Отец, – сказал я, – не обижайтесь, но пожалуйста, мне бы хотелось умереть без всяких ритуалов, без всяких слов.

Потом я удивился, поскольку он покачнулся и оторопело зашатался; чуть ли не как будто я его ударил. Я говорю,

что меня это удивило, поскольку парней этих я считал более хладнокровными. Но, в общем-то, и они себе задницы подтирают.

– Отец, поговорите со мной, – сказал один старик, – вы же со мной можете поговорить.

Священник подошел к старику, и всем стало хорошо.

Через тринадцать дней после той ночи, когда меня привезли, я уже водил грузовик и поднимал коробки по 50 фунтов. А еще через неделю выпил свой первый стакан – тот, про который мне сказали, что он точно меня убьет.

Наверное, когда-нибудь в этой проклятой благотворительной палате я и подохну. Мне, видимо, от нее просто никуда не деться.

[Дугласу Блазеку]¹⁶

25 августа 1965 г

[...] На днях я написал Генри Миллеру выхарить 15 ду-
бов у какого-то его покровителя, кто обещал то же, если я
отправлю Генри еще 3 «Распа». Я продаю дешевле Стюар-
та¹⁷, и на это можно купить виски и сделать кое-какие став-
ки на лошадок. типа у меня счет на \$70 за ремонт тормозов.
вся машина столько не сто́ит. В общем, я пьяный был и сде-
лал вывод, что Генри растрясет своего покровителя от его
денежного дерева. 15 приехали сегодня из одного источника,
а письмо Миллера из другого: частичная цитата: «Надеюсь,
ты не до смерти допиваешься! и особенно – когда пишешь.
Так точно можно убить источник вдохновения. Пей, лишь
когда счастлив, если можешь. Никогда не топи свои печали.
И никогда не пей в одиночку!» конечно, я на все это не ве-

¹⁶ Отрывок из письма Дугласу Блазеку от 24 августа 1965 г.; письмо опубликовано в сборнике «Вопли...». – *Примеч. сост.* Даглас Блазек (р. 1941) – польско-американский поэт, издатель и редактор «Olé», одного из первых журналов американского литературного «самиздата» (осн. в 1964 г. в Сакраменто, Калифорния). – *Примеч. перев.*

¹⁷ Имеется в виду «Распятие в омертвелой руке» (Crucifix in a Death hand», 1965) – сборник Буковски, изданный «Луджон Пресс» в Нью-Орлинзе. Это издание финансировал Лайл Стюарт (Лайонел Саймон, 1922–2006) – американский писатель и независимый издатель, который поддерживал Уэббов. – *Примеч. пер.*

дусь. вдохновение меня не волнует. когда писанина умирает, она умирает; нахуй ее. я пью, чтобы продержаться еще один день. и я понял, что лучший способ пить – это пить **ОДНОМУ**. даже когда рядом женщина и ребенок, все равно пью один. банку за банкой, разбодяженные полупинтой или пинтой. и растягиваюсь от стены к стене на свету, мне так, словно я набит мясом и апельсинами, и жгучими солнцами, а радио играет, и я бью по печатке, может, и гляжу на драную клеенку, заляпанную чернилами, на кухонном столе, на кухонном столе в аду; жизнь, не одно лето в аду¹⁸; вонь всего, сам я старею; люди обращаются в бородавки; все уходит, тонет, не хватает 2 пуговиц на рубашке, пузо раздается; впереди дни тупой колотьбы – часы бегают кругами с отрубленными бошками, и я подымаю выпивку я вливаю выпивку, больше ничего не остается, а Миллер просит меня тревожиться об источнике **ВДОХНОВЕНИЯ**? Я не могу глядеть ни на что, вправду не могу ни на что смотреть так, чтоб не захотеть разодрать себя на куски. пьянство – временный вид самоубийства, в котором мне позволено убить себя, а затем вновь вернуться к жизни. пить – это просто немного клея, чтоб руки и ноги у меня держались, и крантик мой, и голова, и все остальное. писать – это всего лишь лист бумаги; я нечто такое, что слоняется и выглядывает в окно. аминь.

¹⁸ Намек на поэму в прозе «Une Saison en Enfer» (1873) французского поэта Жана Николая Артюра Рембо (1854–1891), рус. перев. М. Кудинова – «Одно лето в аду». – *Примеч. перев.*

[Уильяму Уонтлингу]¹⁹

1965

[...] я все пью пиво и скотч, вливаю их, как в громадную пустоту... Признаю, есть во мне какая-то скальная глупость, какой не достигнуть. Продолжаю пить, пью, угрюм, как старый бульдог. я всегда такой; люди валяются, со своих табуретов, испытывая меня, а я их перепиваю, больше, больше, но вообще-то без голоса, ничего, я сижу, сижу, словно какой-то глупый эльф на сосне, жду молнии. когда мне было 18, я, бывало, выигрывал \$15 или \$20 в неделю на состязаниях по питью, и это поддерживало во мне жизнь. пока про меня не узнали. но был там один говнюк, Вонючкой звали, от него мне всегда приходилось тяжело. иногда я его психически давил тем, что выпивал лишнюю между. я с таким ворьем раньше водился, и мы вечно пили в свободной комнате, в комнате на сдачу, с приглашенным светом... у нас никогда не бывало места, где пожить, но большинство таких мальчишек были круты, носили пушки, а я нет, по-прежнему квадратным был, все еще такой. думал, Вонючка однажды вечером меня отымел, взгляд подымаю, а его там нет, и я пошел сблевать,

¹⁹ Отрывок из письма Уильяму Уонтлингу от 1965 г.; письмо опубликовано в сборнике «Вопли...». — *Примеч. сост.* Уильям Уонтлинг (1933–1974) — американский поэт и романист, преподаватель. — *Примеч. перев.*

а даже не сблевуул, он там в ванне, наглухо в отключке, и я вышел и забрал деньги.

*Бизоний Билл*²⁰

когда б хозяин с хозяйкой ни
напивались пива
она спускается сюда и стучит ко мне в дверь
и я спускаюсь и пью с ними пиво.
они поют бывлые песни и
он всё пьет, пока
не опрокинется спиной на стул.
тогда я встаю
подымаю стул
и вот он опять у стола
цапает
пивную банку.

беседа вечно сворачивает на
Бизоньего Билла. они считают Бизоньего Билла
очень потешным. и я всегда спрашиваю:
что новенького у Бизоньего Билла?
ой, он снова сел. его
заперли. пришли и забрали.

²⁰ «Полынное обозрение 24», март 1966 г.; стихотворение опубликовано в сборнике «Мадригалы из мебелишек» (The Roominghouse Madrigals, 1988). – *Примеч. сост.* Уильям Фредерик («Бизоний Билл») Коуди (1846–1917) – американский военный, охотник на бизонов, предприниматель, цирковой артист. – *Примеч. перев.*

за что?

то же самое. только теперь это женщина из Свидетелей Иеговы. она позвонила ему в дверь и стояла себе разговаривала с ним, а он возьми да покажи ей свою *штуку*, ну ты понимаешь.

пришла ко мне и рассказала об этом а я ей говорю: «ты зачем тревожила этого человека? зачем ты ему в дверь звонила? он же тебе ничего не сделал!» но нет, вот надо ей было пойти и рассказать властям.

он звонит мне из тюрьмы: «ну, я опять за свое!» «так чего ж ты опять?» – спрашиваю его. «Не знаю, – говорит, – сам не знаю, что меня подмывает!» «не надо больше так», – говорю ему. «сам знаю, что не надо», – отвечает он.

он уже сколько раз так?

ох господи, не знаю, 8 или 10. он вечно вот так. но у него хороший адвокат, у него чертовски неплохой адвокат.

а его квартиру вы кому сдаете?

ой, а мы ее не сдаем, мы всегда ему его
квартиру придерживаем. нам он нравится.
я рассказывала
тебе про тот вечер, когда он напился и вывалился на газон
голый, а сверху пролетел самолет, и он
показал на огоньки, а видно там было
только хвостовые и всякое, и он на огоньки
показал и орет: «Я БОГ,
Я ЭТИ ОГНИ В НЕБЕ ЗАЖЕГ!»

нет, об этом мне ты не
рассказывала.

хлебни пивка сперва, и
расскажу.

я хлебнул пивка
сперва.

Заметки старого козла²¹

В Филли мне держали место с краю, и я бегал за сэндвичами, прочее. Джим, ранний бармен, впускал меня в 5:30 утра, пока полы мыл, и я пил бесплатно, пока в 7:00 утра не вваливалась толпа. бар я закрывал в 2:00 ночи, а оттого времени поспать мне оставалось не много. но я в то время не очень-то занят был – спал, ел или всяко еще. бар был такой затрапезный, старый, вонял мочой и смертью, что войди шлюха подцепить себе кого-нибудь, для нас – особая честь. как я платил за свою комнату или о чем думал, даже не знаю. где-то в это время мой рассказ напечатали в «Портфеле III»²²

²¹ «Открытый город 23», 4 октября 1967 г.; рассказ опубликован в сборнике «Заметки старого козла» (Notes of a Dirty Old Man, 1969). – *Примеч. сост.* Рус. перев. Ю. Медведько – «Записки старого кобеля». «Open City» – первая альтернативная газета Лос-Анджелеса, основанная в 1964 г. журналистом и издателем Джоном Брайаном (1934–2007). – *Примеч. перев.*

²² «Portfolio: An Intercontinental Quarterly» – авангардный литературно-художественный журнал, основанный в 1941 г. в Вашингтоне поэтом, прозаиком и пацифисткой Каресс Крозби (Мэри Фелпс Джейкоб, 1891–1970), также знаменитой своей активной светской жизнью, дружбой со множеством выдающихся поэтов и писателей XX в. и изобретением бюстгальтера в его современном виде. Вышло всего 6 номеров журнала, после чего он закрылся. – *Примеч. перев.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.